
...Мир, воссозданный поэтом...

Михаил Яснoв

Поатомно воссозданный поэт
В каком-нибудь три тысячи пятьсотом,
Как есть, не одеваясь, выйдет в свет
К Голанским или Пулковским высотам
И скажет: «Мне нужна твоя оде...
Нет, вру... Надежда, гаджет и терпенье.
И пальцами, как вилкой по воде,
Я снова напишу стихотворенье».

И будет ли он понят или нет
(Ведь даже слово «гаджет» устареет),
Но будет и накормлен, и согрет
У найденной в музее батареи,
И, выбравши любую из Пальмир,
Он вновь начнёт писать о том и этом,
Чтоб 3D-принтер напечатал мир,
Поатомно воссозданный поэтом.

За каждым богом бегал баргузин,
За баргузином – десять пар кузин,
И все они бежали за пулялкой,

Поскольку закрывался магазин:
В сиесту продавщицам слишком жарко.

Бывало, бог сбегал за гаражи:
То покурить, то просто поблажить,
Порисовать каляки да маляки,
А как-то раз, нашедши точку джи,
Он там её и прикопал, на всякий.

Мог баргузин сбежать куда-то в лес,
Где у него был шкурный интерес:
В лесу жила медведица Меланья,
Которой он под юбку часто лез,
Чем доставлял ей знаки препинанья.

А у кузин был только «ручеек».
Пытались разучить и кекуок,
Но вечно спотыкались на синкопах,
Поскольку слишком Сухов был паёк
И неудобно танцевать в окопах.

На том же месте – новый поворот,
И светофор, как прежде, желторот,
И все бегут, бегут, бегут куда-то
И смыслом вниз роняют бутерброд,
Да и акуна – всё ещё матата.

У оптимиста – бездна звёзд полна,
У пессимиста – бездне нету дна,
У реалиста – бездна эта – космос.
Лишь я один, покрасив дотемна,

Чтоб не мешала звёздам седина,
Материю, расчёсываю космы

И в зеркало Тарковского гляжусь,
Тарковского читаю наизусть,
А день вокруг – стеклянный, оловянный
И деревянный, так что я боюсь,
Что вот пойду, выгуливая грусть,
А там – бумбоксы, люди и кальяны,

И никуда не деться, никуда...
И в бездне над – всего одна звезда,
А посему – не будет звездопада,
И оживает мёртвая вода,
Когда уже материя седа
И никакого космоса не надо.

Нет никакого завтра, и мир бесшовен,
А человек – хрупок и ноздреват.
Вот и всё уже наш непутёвый ковен,
С каждой заменой – в лампочке меньше ватт.

Пепел, стучавшийся в сердце, – в фейсбук стучится;
Им – я посыплю ужин, отдам в инсту.
Жизнь – это косточка, ломкая, что ключица,
Ездить за нею незачем в Элисту.

Если ворованным воздухом пóдпол полон,
Вместо Лукойе придёт за тобой Пол Пот.
Кресло своё режиссёрское бросит Нолан,
Роберт Б. Уайди креслице подберёт.

После, когда арбайтен придут арбитры,
Можно уже не плакать, приняв на грудь:
Нет никакого завтра, есть только титры,
Если нас не забудут упомянуть.

На плече – Сид Вишес, чека – в пупке.
С нею рядом жарко в одной строке.
Он грустит на неё, словно дог, брылястый,
Потому что вся его жизнь – пике,
Изолента, скотч, подорожник, пластырь.

Он сидит, все деньги спустив на дым,
Вспоминая, как это – молодым
Да весёлым крепко вцепиться в мячик.
Седины всё больше и бороды,
Импотенция – тоже уже маячит.

А она идёт – телефон в руке,
И легко одета, и налегке, –
Что уже и видеть её – за счастье.
Не хватает только дыры в виске,
И слюна течёт из собачьей пасти.

Бог одиночек не любит и отшивает.
Им остаётся пить об одном стакане.
Эта вода – ни мёртвая, ни живая –
Держит тебя, как рыбину на кукане.

Тёмен подвал, и в нутре у него – Ионка,
Марья Моревна дыма, басов Гудини...
Взрослым не меньше прочих нужна продлёнка
С играми в Чакраборти и кундалини.

Тусклым гало мерцающий край бокала
Слезшими с игл ангелами облеплен.
Жизнь, что тебя как следует обшмонала,
Мало чего нашла в сигаретном пепле:

Ни тебе сатори, ни тебе Санторини...
Вот и сиди, укрывшись в окопах прона!
«Бог одиночек не любит...» – басит Гудини.
«...И отшивает», – вторит ему Иона.

Этому миру лор прописали плохо,
Или не очень точной была натура.
Если ты бог, ты носишь гламурный бохо,
Если ты бомж, то – бохо, но без гламура.

Ветер качает кроны и колыбели.
Люди едят людей и кивают богу,
Мол, не хватает водки и сацебели,
Сбегал бы в магазинчик через дорогу.

Всякий, произвольно произносящий
Речи во славу или в опроверженье,
Знает, что вскоре тоже сыграет в ящик,
Чёрный, что-где-когдашний, на поражение.

Бог незаметно слушает, вспоминая,
Как он старался, не успевая всюду,
И покупает мёрзлый кусок минтая,
И оставляет в раковине посуду.